

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-608-613>

Рецензия на книгу:

Абылхожин Ж.Б. Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы: КБТУ, 2019. 468 с.

Дина Аманжолова 

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

✉ amanzholova19@mail.ru

Для цитирования: Аманжолова Д. Рецензия на книгу: Абылхожин Ж.Б. Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы: КБТУ, 2019. 468 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 608–613. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-608-613>

Review of

***Poststalinskii period v istorii sovetskogo Kazakhstana: chereda obrechennykh reform i nesostiyavshikh deklaratsii (1953–1991 gg.)* [The post-Stalinist period in the history of Soviet Kazakhstan: a series of doomed reforms and failed declarations (1953–1991)] by Abylkhozhin, Zh.B. Almaty: KBTU Publ., 2019. 468 p.**

Dina Amanzholova 

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

✉ amanzholova19@mail.ru

For citation: Amanzholova, Dina. “Review of *Poststalinskii period v istorii sovetskogo Kazakhstana: chereda obrechennykh reform i nesostoiavshikh deklaratsii (1953–1991 gg.)* [The post-Stalinist period in the history of Soviet Kazakhstan: a series of doomed reforms and failed declarations (1953–1991)] by Abylkhozhin, Zh.B. Almaty: KBTU Publ., 2019. 468 p.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 608–613. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-608-613>

Монография Ж.Б. Абылхожина посвящена малопопулярной для историографии современного Казахстана проблематике. Между тем изучение и осмысление так называемого постсталинского периода весьма актуально уже потому, что происходившие тогда процессы и сложившиеся реалии стали объективной основой функционирования постсоветских стран после распада СССР, как бы ни пытались иногда доказать отсутствие фундаментальной советской почвы, на которой строится их независимость. Автор к тому же заявил стремление к научно-рациональному анализу в рамках академического дискурса, дабы избежать крайностей «очернения» или «отбелива-

ния» анализируемых вопросов (С. 3). Название книги обосновывается достаточно просто: сам факт распада СССР из-за «глубокой иррациональности его социально-политической и экономической системы» подтверждает именно такую формулировку (С. 4). Эта предустановка должна убедить читателя в непреложности основной идеи и освобождает от поиска некой интриги в авторской драматургии. Казахстан как третья по экономическому потенциалу союзная республика редко удостоивается внимания историков применительно к избранному периоду (видимо, поэтому в монографии нет историографического обзора), что определяет внимание к ее конкретному опыту. Похвальные отзывы о рецензируемой книге К. Пужоль, С. Плохия и С. Абашина на последней странице обложки как бы подкрепляют значимость издания. К тому же интерес к этой стране стал особенно злободневным в связи с драматическими событиями начала 2022 г., истоки которых так или иначе связаны с ее недавним прошлым.

Основу работы составили опубликованные источники, в том числе официальные документы, статистические сборники, периодика 1950-х – начала 1990-х гг., мемуарная литература, а также наиболее известные труды современных ученых. Архивные данные извлечены из фонда 708 Архива Президента РК (бывший архив филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) – «Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Казахстана». Внимание автора сосредоточено на социально-экономической и общественно-политической истории Казахской ССР в 1953–1991 гг., что нашло отражение в структуре книги.

Первый раздел состоит из четырех глав, посвященных «хрущевским новациям в народном хозяйстве», реализации «Целинного проекта», тенденциям народно-хозяйственного развития в 1965–1985 гг. и «новой и последней “реформации”» в годы перестройки. Рассказ о достижениях и проблемах социально-экономического развития, которые иллюстрируются большим количеством статистических данных и в целом равновесно представляют плюсы и минусы позднесоветской экономики на примере Казахской ССР, включает рефреном мысль о порочности экстенсивной модели экономики и превосходстве рыночного хозяйствования, которое власть отвергала.

По убеждению Ж.Б. Абылхожина, в СССР «в целях самосохранения Система» всякий раз подчинялась «всепоглощающей цели – экстенсификации» (С. 56, 80). Правда, приведенные им данные о числе построенных предприятий, росте сельхозпроизводства, улучшении повседневной жизни людей в республике заставляют несколько иначе оценивать потенциал и результаты советской социально-экономической политики, если учесть данные о развитии экономики и ее структуре после 1991 г. Так, оценивая несомненную значимость освоения целины для КазССР (превращение в третью после России и Украины республику с мощной продовольственной базой, включение в список стран, производящих достаточно зерна для стабильно гарантированного решения продовольственной проблемы, вхождение в десятку мировых лидеров по производству твердой пшеницы и др.), автор обратил внимание и на порожденные этим проблемы. Среди них – экологическая рациональность, степень экономической оправданности и социальный аспект. Сегодня именно эти вопросы активно дебатуются в общественном пространстве Республики Казахстан. Почвозатратный характер земледелия в СССР, считает автор монографии, с трудом, но целенаправленно выправляется, действительную же цену экономических издержек целины точно подсчитать невозможно. К ним относятся масштабы привлечения техники и трудовых ресурсов, включая студенчество и армию, что порождало огромные и нерациональные расходы энергии и труда, невозможные, как подчеркивается в книге, в западном фермерском хозяйстве. Социальная составляющая целинной эпопеи была противоречива: появление множества поселков с хорошей социально-

культурной инфраструктурой, обновление старых городов региона, развитие системы образования, соцкультбыта в них и др. Негативной проекцией целинной эпопеи, по мнению Абылхожина, стал рост населения за счет межреспубликанской миграции, хотя и с учетом позитивного мирового опыта интернационализации общественной жизни. Однако именно целинная миграция, отмечено далее, породила острейший дефицит ресурсов в Нечерноземье, а для казахов дело обернулось «объективной угрозой языку» вследствие сокращения на 30 % удельного веса титульного населения, а также и региональными диспропорциями в размещении производительных сил (С. 68–81).

Действительно, амбивалентные последствия социально-экономических новаций 1950–1980-х гг. для разных регионов или отраслей экономики СССР очевидны. Но вряд ли можно отрицать, что интернационализация социального ландшафта, характерная для советского государства и особенно интенсивная на определенных этапах истории Казахстана, служила взаимному обогащению национальных культур и повседневных практик, формированию ценнейшего опыта конструктивного межэтнического взаимодействия, в том числе в обмене профессиональными компетенциями и навыками адаптации к разным природно-климатическим условиям.

В книге приводится значительный массив данных, которые на примере Казахской ССР призваны подтвердить обреченность реформ 1960-х гг. в промышленности, сложившиеся в позднесоветский период проблемы общественного потребления, факторы динамики и сдерживания урбанизации, негативные экологические последствия превращения республики в «космическую гавань страны» (С. 152), развития военно-промышленного комплекса и гонки вооружений, которая сыграла свою роль в развале СССР. Интересно повествование о складывании архитектурного облика Алма-Аты, строительстве здания Дома правительства, так называемого «Цековского дома» для номенклатуры и жилья, что предопределило неповторимую и столь любимую казахстанцами символическую и общественную атмосферу города (С. 50–55). Последовательно подчеркивая превосходство рыночной экономики над советской, Ж.Б. Абылхожин считает примитивной концепцию «ускорения», как и идею «социалистического рынка» (С. 192, 200), которая меж тем вполне успешно реализуется в КНР. Данные о нарастании кризиса в экономике и социальной сфере к концу 1980-х гг. на примере Казахстана призваны доказать изначальную обреченность советского проекта.

Главы второго раздела названы публицистически: «Утопия «коммунистического завтра» (1953–1964 гг.)», «Замкнутый круг брежневской стабильности (1964–1985 гг.)» и «Непредвиденная логика “перестройки” (1985–1991 гг.)». Термины «сталинщина», «брежневщина», «советское этнократическое государство», «великодержавно-центристская государственническая практика» предопределяют оценки автора в освещении социально-политических процессов. Общую канву событий, связанных с «оттепелью», реформами 1960-х гг., принятием новой Программы КПСС, внутрипартийными реформами, усилением консервативно-охранительной идеологии в 1970-е гг. и перестройкой автор дополняет подробностями внутривнутриреспубликанских проявлений общесоюзных процессов. Это составляет ценную часть монографии, поскольку создает достаточно конкретный образ времени.

Позитивные изменения, по мнению историка, неподдельный энтузиазм конца 1950-х – начала 1960-х гг. не могли исправить общую неприглядную картину искусственной преданности партии, которую были принуждены демонстрировать не только чиновники, но и в целом все общество. Образовательный уровень партноменклатуры республики был невысоким, национальный состав руководства недостаточно отражал интересы титульного этноса (С. 288–303), а комсомольские инициативы (ударные объекты, студенческие стройотряды и др.) были больше продиктованы «стремлением

подзаработать денег» (С. 315–316). Поскольку «тоталитаризм являл собой сущностную природу советской социально-политической системы» (С. 303, 308, 322–323), маргинальная элита, по мнению автора, лишь имитировала «советскость» (С. 470), и мимикрия стала частью поведения элиты и интеллигенции.

Описывая эксплуатацию символического капитала, в том числе казахской интеллигенцией, автор обращает внимание на воспроизводство неформальных социальных сетей и иерархий, «квазитрайбалистского инструментария», поведенческих стереотипов традиционного общества. Названные им симптомы, порождавшиеся в том числе так называемой «второй коренизацией» под руководством Д.А. Кунаева, весьма важны для понимания качества постсоветской элиты Республики Казахстан. Историк считает руководителей СССР носителями маргинализованного сознания, а их «великодержавно-шовинистические симпатии» гораздо более опасными, нежели этнонационалистические проявления на местах, так как первые порождали «гнетущий морально-психологический комплекс ущемленности и приниженности» у нерусских (С. 372–380). Автор признает, что Н.С. Хрущев в деле реабилитации народов поступал «достаточно последовательно и твердо» (С. 256), но указывает, что для него «вопросы национальных отношений находились на периферии внимания» (С. 262). Интерес представляют сюжеты о реабилитации «депортированных» народов, передаче ряда районов южных областей Казахстана в состав Узбекской ССР в 1956 и 1963 гг., что, впрочем, не вызвало протестов, хотя они увязываются с неким напряжением «этнонационального сознания» по аналогии с «передачей» Крыма в состав Украины в 1954 г. (С. 256–265). Периодические всплески беспорядков объясняются провокацией со стороны КПСС (С. 269), когда массовый приток целинных новоселов вследствие «экстенсификации в Казахстане» породил восприимчивость «рекрутов» партийных проектов к «девиантным позывам». Показаны сложности расселения, быта и межэтнических отношений, обусловившие конфликты на целине, подавленные силой беспорядки и погромы во время строительства Карагандинского металлургического завода в Темиртау в 1959 г. (С. 271–275).

Характеризуя проявления неформального поведения (спекуляция, стилиги и т. п.), Абылхожин замечает, что действенная, как он убедился на личном примере, агитация за «коммунистическое завтра» была «весьма схожа с пропагандистскими образчиками Третьего рейха», а идеологическая бдительность партработников доходила до абсурда. Подобные сравнения совершенно недопустимы – факты истории, многочисленные документы и научные исследования подтверждают принципиальную противоположность советской и фашистской систем, в том числе в пропаганде и агитации. Советская агитационно-пропагандистская система опиралась не только на известные классовые принципы, но и отстаивала фундаментальные ценности интернационализма, равенства народов и рас.

Характеризуются проблемы с товарами повседневного спроса вплоть до хлеба в 1963 г. и «саморазрушительная скорость» разложения партии (С. 278–295). Автор не устает подчеркивать свой постулат о тоталитарной природе государства, где имитировавшие преданность идеалам П. Корчагина комсомольские активисты «превращались в скороспелых демагогов-краснобаев», что не могли изменить пользовавшиеся огромной популярностью массовые молодежные и детские военно-патриотические, спортивные, эстрадные, научно-технические и иные движения и конкурсы (С. 292, 315, 323). Обращается внимание на изменения в партийных организациях и качество номенклатуры, проявления социальной мимикрии в обществе, на социологические выкладки и характерные для позднесоветского периода способы выживания в условиях тотального дефицита, породившие забытые ныне бытовые практики и анекдоты и создавшие «одно из самых коррупционных обществ в ряду

развитых государств» (С. 347). Столь радикальный вывод вряд ли правомерен, как с учетом реальной ситуации для подавляющего большинства граждан СССР, так и на основе давно известных и лишь подтверждающихся современными фактами коррупционной системы социально-политических институций так называемых развитых государств.

Весьма интересны рассуждения историка о служебном протекционизме и непотизме, характерном для групповых неформальных сетей, ревитализации региональных и трайбалистских идентификаторов в казахском обществе в 1970–1980-е гг. Это важно для понимания трансформации и качества этнополитической элиты после 1991 г., ее роли в недавнем кризисе в Казахстане. Рассуждая о взаимосвязи моделей поведения с устойчивыми аграрно-традиционными стереотипами, автор называет маргинальной сущность советского массового сознания, которое в Казахстане (точнее, среди казахов) соединяло публичную демонстрацию преданности советской идеологии и приватную приверженность «коллективно-сакральной родоплеменной идентичности» (С. 361–382). Увы, такие явления не анализируются в связи со сложным национальным составом населения, стандартами поведения и социальным самочувствием представителей других национальностей. Растущий «защитный» этноцентризм автор считает следствием сталинской борьбы против местного национализма и сохранившимся великодержавным шовинизмом. Впрочем, и данный вывод в монографии никак не обоснован. Более того, такой подход не объясняет обнажившиеся ныне противоречия межнациональных отношений и причины оттока русскоязычного населения из Казахстана уже в позднесоветское время.

В описании событий декабря 1986 г. в Алма-Ате, которые стали одним из основных мифов нациестроительства, Ж.Б. Абылхожин не углубляется в механизм организации протестных выступлений молодежи, обращая внимание на их роль в деэскалации обещанной демократизации и несправедливость обвинений в национализме, ссылаясь на 40%-ю долю казахов в органах управления, что соответствовало структуре населения республики, тогда как среди занятых в промышленности казахи составляли 21% (С. 411–412). Однако изменения в этническом самосознании стоит анализировать с учетом роли национальной интеллигенции (преимущественно гуманитарной). Как показала Л.М. Дробижева, политика развития и сближения наций на основе формул интернационализма и дружбы народов имела риски, в том числе по части подпитки этнонационализма¹.

Время распада СССР автор связывает с отсутствием либерально-демократической культуры и ролью «массового советского человека как социального продукта тоталитаризма» с «сильнейшими садомазохистскими склонностями», у которого «страх» был снят процессами «демократизации». Здесь вновь стоит отметить не подтвержденный научно публицистический радикализм оценочных суждений Абылхожина. Представляют интерес данные об общественно-политических движениях и структурах в 1990–1991 гг., их ярко выраженной этноцентристской конфигурации, рождении новых партий. В Казахстане показатель поддержки сохранения СССР в ходе известного референдума 1991 г. был одним из самых высоких, позитивно оценивается создание СНГ (С. 437–454). Этой констатацией монография и завершается. Меж тем читатель не получил ответ на важнейший вопрос – почему руководство Казахской ССР столь настойчиво выступало за сохранение СССР, какую роль сыграл Н.А. Назарбаев в раскладе политических сил в республике и на общесоюзной арене

¹ Дробижева Л.М. Этничность в общественно-политических процессах СССР последних двух десятилетий // Этнический и религиозный фактор в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 332–379.

перед закрытием ее занавеса. Было бы полезно получить оценку личности Д.А. Кунаева, популярность которого существенно выросла в независимом Казахстане.

Заданный изначально тон в отношении советского проекта и «Центра», упущенный анализ внутриэлитной динамики и конфигураций в номенклатуре, роли казахской интеллигенции в эволюции общественной атмосферы, увы, не позволяют увидеть культурную сложность позднесоветского общества. Намеченные подходы к учету этносоциальных противоречий и проблем многомерной идентичности личности не получили развития. Написанная в научно-популярном ключе книга может быть адресована не только специалистам по советской истории. Детали повседневности, описание бытовых ситуаций и конкретные примеры взаимодействия представителей власти с отдельными группами населения, которые были обычной рутинной, помогут читателям, рожденным после 1991 г., полнее представить некоторые реалии из жизни старших поколений.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.02.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.04.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 16.08.2022

References

Drobizheva, L.M. "Etnichnost' v obshchestvenno-politicheskikh protsessakh SSSR poslednikh dvukh desyatiletiiy." In *Etnicheskiy i religioznyy faktor v formirovaniy i evolyutsii rossiyskogo gosudarstva*, 332–379. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2012 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Дина Ахметжановна Аманжолова, д-р. истор. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; amanzholova19@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

Dina A. Amanzholova, Dr. Habil. Hist., Professor, Chief Researcher, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19, Dmitriya Uliyanova Str., Moscow, 117292, Russia; amanzholova19@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>